

Корсаков Антон, доктор биологических наук, профессор Брянского Университета.

Ну, во-первых, Алексей Владимирович для меня пример того, как надо жить в этой жизни. Не только в науке, но и в жизни. Сам Алексей Владимирович говорил, что у него было два учителя – Петр Петрович Смолин и Николай Владимирович Тимофеев-Рессовский, Зубр. В этой жизни очень важно отличать существенное от не существенного. Это была заповедь Зубра. И Яблоков всегда об этом говорил. Это сделать очень сложно. Вычленишь то, что очень важно и отбросишь все, что не надо, не важно. Вот Алексей Владимирович умел и это делал сходу. Понимал всю суть, бросался в омут. И был очень бесстрашным человеком. Не боялся ничего. Это им можно восхищаться. То есть всегда за правду. Очень честный, принципиальный.

И мне повезло, что я встретил такого человека. Как по страницам книги: бесценный опыт науки и жизни. Так оно и есть.

Он учил меня постоянно. Не только науке, но и жизни: отличать существенное от не существенного. Быть тоже принципиальным.

Постоянно у него учился чему-то. При этом не переставал удивляться ему.

Например, говорю ему: «Вот я вам там файл послал в Excel».

Он говорит: «Ой, мне стыдно признаваться, но я не знаю Excel».

Для меня он был сначала – мега открытие.

Потому что человек такого масштаба, он тем не менее находил время не только для работы, но и для общения.

А потом, это тесная была работа. И что меня поразило...

Уже в начале декабря 16-го года я почувствовал что-то не то. Он болел, давал мне рекомендацию для участия в гранте. Немецком гранте.

Я хотел его повидать. Получилось, что это была последняя наша встреча в больнице имени Боткина. Он был, ему уже было ооочень плохо!

Он уже еле вставал. Но не терял оптимизм. Никогда. И я когда пришел, он: «Антон! Проходи, давай обсудим».

И когда какая-то научная тема, дискуссия или обсуждение, то тогда как бы духом воспарял и забывал.

Я на минутку подумал: а как бы я? Вот смог бы я так? Когда уже было действительно очень плохо.

И, может быть, многие люди не хотят, чтобы их видели вот в таком состоянии, а он этого не стеснялся.

И он никогда не боялся ничего, не оглядывался никогда. Вот он считал так правильно – все. Так делал. Если считает правильно – будет так. Считает неправильно... Да, резковат был, потом отходил.

Но если считал, что это правильно, то все, считал это принципиальным.

Такая принципиальность.

Ну что, мне повезло, собственно. Тем, что-кто я сейчас, я обязан Алексею Владимировичу. Вот так.

Мы часто с ним были оппоненты, да. Но он просто показал путь. Правильный путь. Он поддержал, естественно, я достиг результата, получил степень, а потом он показал путь, просто, как двигаться правильно. Я теперь знаю как правильно.

Я часто думаю о нем. Иной раз хочется так руку поднять: а, Алексей Владимирович, как вы посоветуете?

Но уже не получится.

Он знал как надо, да. То есть, можно было просто, скажем, планируешь статью: вот у меня такие, такие идеи, позвонить Алексею Владимировичу, Точно направлял, буквально даже вот в телефонном разговоре: Антон, так, так, так, так, так. И все, и он уже как бы дал направление. Я многое от него взял за эти годы.

И когда прокручиваю, думаю: а как бы вот Алексей Владимирович бы сделал. Вот он мне помогает здорово.

Я ставлю себя на его место: что бы он мне посоветовал, если был бы жив.

Вот я готовлю статью, готовлю ее, понятно, как я считаю нужным. . Когда я ее готовлю, я думаю: «Ага, а какие бы мне замечания сделал Яблоков? А как бы он это ...».

Нет, это просто уже во мне! Это просто второе «я». Это не то, что второе «я», нет, вот меня научили. Я общался с Алексеем Владимировичем. Он меня учил.

Но это у меня уже в крови работать, как работает он. Но просто потому, что я с ним работал . Фактически, после защиты диссертации 14-го года: 14-ый; 15-ый; 16-ый.... Ну, 3,5 года так плотно работали, публиковались. В 13-ом году уже общались И в 12-ом. Я еще Алексея Владимировича не знал, приехал в Москву. Он мне сделал четкие рекомендации: «А это почему так, а это почему так». Я раньше, когда мне делали замечания, злился, если они были не по делу. А тут уже первый раз в жизни, когда приехал к ним на Ленинский проспект, мы там часа полтора пообщались. Я впервые в жизни столкнулся с таким что – да, все что он говорил, надо исправлять, а может, я что-то не понял? Просто, это наставник! Не просто учитель, а наставник. Все. Это во мне. И мои ученики... То же самое, как вот он отзывы писал.. Да? Это же все видно. И я, например, также на диссертацию писал отзыв другому человеку. Так как он меня учил.

В 2013-ом году я приехал сюда в Петрушово на три дня.

Дильбар Николаевна говорила, когда я уехал, он после этого только леской косил, как я ему показал.

Ну он, несмотря на свой возраст, очень был легко обучаем. И старался все в ногу со временем быть. Бывают многие умные, профессора или даже академики, но они как бы, не в ногу. То есть человек, который, там, знает Skype ... все эти.. компьютер. Как работать. Это очень важно в наше время. Вспоминаю такой момент. Когда он говорит: «так, ладно, присылай диссертацию». . А я думаю... а мой покойный руководитель не знал ни

компьютера, ничего. Но я представлял, что Яблоков естественно, да, пользовался компьютером...

Я говорю: «Хорошо, а когда вам прислать?»

И тут меня его вопрос поверг в шок. Он говорит: «Антон, а сколько в Мб твоя диссертация? Потянет ли моя деревенская ветка твою диссертацию?» Это, конечно, было вообще для меня! То есть человек, который... А то звонит: «Во! Антон! Я с профессором Вертинским в США. Мы договорились с ним созвониться. Давай настроим видеоконференцию» по Skype и будем общаться. Ну, вот таким ученый и должен быть. Не только, скажем, гений в своей области. Его первичное образование... он по китам, да?

Но он был чрезвычайно широкого кругозора. И в политике был, занимался и пестицидами, и радиацией.

«Почему, он говорит, мы эту книгу написали «Последствия Чернобыля? Потому что после доклада МАГАТЭ на 20-летие Чернобыля заключение было такое, что катастрофа не оказала существенного влияния. И последствия даже - прогноз благоприятный». Это все так отличалось от того, противоречило тому, что он знал. Настолько, что он разозлился.

«Ну это просто по-варварски, несправедливо к людям, это ложь и обман. И он решил написать книгу, обобщить результаты, к тому времени у него уже была издана книга в Нью-Йорке.

А кто, кроме Яблокова?. Он бесстрашный человек в науке и в жизни.

Он был нечто больше, чем просто мой наставник по науке. . То есть, к нему хотелось тянуться, узнавать что-то новое. Да и потом просто работать с ним было очень приятно, потому что ты действительно учился. Вот этот процесс написания статьи... Процесс исправлений. И мое понимание его исправлений, обсуждение. Мы с ним главу по «врожденным порокам развития» писали. Это был очень такой, очень напряженный труд. Где постоянно нас дискуссия была.

Причем уже так... Я говорю – вот так. Он говорит: давай вот так. Давай эти таблицы сюда перенесем. А здесь нужно шире. А здесь надо так взять. В итоге вышла статья в издании «Известия-РАН», серия биологическая, академическая, и в переводной версии, на которую ссылаются.

«Серьезные врожденные пороки развития». Он говорил, что есть вот такие некие сигналы, что мы смотрим не от того, что среда плохая, там болеют, а мы смотрим оттого, что наоборот, если на этой территории что-то неблагоприятное со здоровьем, значит надо искать какое-то экологическое неблагополучие.

И вот эпителий тоже как индикатор неблагополучия. Он, естественно, является индикатором. Вот, понравилось – мы опубликовали в чисто биологическом издании. Это долго мною переваривалось.

Он переживал из-за этих политических изменений в России. Переживал из-за реформы Академии, которая началась в 1913 г. Он говорил, что эта реформа

будет способствовать эмиграции. Переживал, что талантливая девочка, у которой он был оппонентом, уехала из России. Переживал, что будет после него с Советом по морским млекопитающим, с другими созданными им структурами.

Конечно, наследие осталось. Книга «Теория эволюции» переведена, 6 изданий. Это один из лучших учебников - в соавторстве с Юсуфовым. Цитирований много на его работы. Есть такой российский индекс научного цитирования. Только в России.

Яблокова хорошо знают за рубежом. На его 80-летнем юбилее присутствовал профессор из Южной Каролины Тимоти Муссо. Его лаборатория занимается единственной в мире, последствиями Чернобыля и Фукусимы. Они выезжают и в чернобыльскую зону, и в зону Фукусимы. Их объекты –это животные, насекомые. Они их исследуют подробно. Яблоков создал комиссию по радиационному риску в Германии. Я думаю, мы будем продолжать дело.

Он всегда писал: «искренне ваш, Алексей Яблоков». «Искренне ваш – А.Я.»

Мне докторскую утверждали из-за возраста моего долго 11 месяцев! Почти год. И вот он уже тоже стал переживать.

Хотел, чтобы людям было хорошо. Чтоб в деревне была часовня. Чтобы людям было, куда пойти.

Иной раз, когда мне кажется, что я что-то не так делаю, я думаю: «А как бы Яблоков сделал?»

В книге Даниила Гранина «Зубр» есть такие слова: «Ведь человек и суетен и грешен, не отличает в слепоте своей немногие существенные вещи от многих не существенных вещей. Чему Вы только нас не обучали! Но если все до афоризма сжать, то главное – и счастье, и в печали существенное в жизни отличать». Второй был принцип Зубра: « Не делай то, что лучше тебя сделают немцы». То есть занимайся тем, что у тебя получается, что ты выбрал. Но не лезь туда, где уже и без тебя велосипед изобретен. Яблоков часто это повторял. А еще говорил: « Только если чиновник чувствует, что под ним кресло шатается, он будет что-то менять. То есть какое-то массовое недовольство, например. А если ему все позволить - антиэкологические и вообще плохие законы будет принимать.

Если бы таких было больше, как Яблоков. Если б таких академиков, таких ученых в академии было хотя бы половина, не было бы той реформы академии, которая была, которая случилась., не было бы того, что у нас в стране происходит.